

Н. КОЛЕСНИКОВ.

О чем болит сердце

3. Гибель комиссара

Документальная повесть

Вот что произошло на позиции истребительной батареи и первой роты в те самые минуты, когда мы услышали стрельбу.

На глазах росла гряда оружия, принадлежавшая еще недавно бывшим солдатам вермахта. Подвоях можно было ждать в любую минуту, поскольку сдавались разбитые, разншерстные части. Здесь была и мотопехота, и полевая жандармерия и дивизионы кучками эсэсовцы. Они и рассаживались друг возле друга, под червяком свое особое положение. По всему было видно: только сила нашего удара, но никак не здравый смысл, заставляли их сложить оружие.

Процедура приема военнопленных затягивалась. Уже никто не рассчитывал фашистских генералов, интерес к высшему командному составу пропал. Лишь комиссар Викторчик, командир истребительной батареи старший лейтенант Гуревич и командир приданной ему роты да несколько бойцов рассматривали документы пехотного герала.

— Пожарки, работы еще часа на два. Пойду к комбату. Поблужусь — как там? Надо, чтобы каждый — еще раз эту процедуру, каждый — еще раз повторил он. — Это сил будет придавать в трудную минуту.

Нито и не видел, как из толпы еще не разоруженных фашистов отделилась группа около десяти человек. На что рассчитывали они, загнанные в угол, лишенные надежд, вырваться?

Началась схватка двух ботатырей. По комплекции они не уступали друг другу. И, если бы этот поединок проходил в мирное время, уверен, он бы собрал шумную толпу азартных болельщиков. Но сейчас все молча наблюдали за тем, как попеременно борцы вели разведку, выискивая слабые места друг друга.

Первым удачный прием провел немец. Он поднял над собой Клюева и резким движением кинул вниз, скочив при этом на несколько шагов. Но старшина извернулся, будто успел зацепиться за какой-то предмет, выдвигая только им, встал на ноги. И это этот поединок в траурные тона.

Мелькнула мысль: добром это не кончится. Немец, он, в случае победы, может, и побойтся раздаться со старшиной, закончит схватку по-спортивному. Но Клюев не остановился. Нет, не даром он так упорно требовал себе спорника. Последние минуты только яростно двигала этим человеком. Ярость, воспламененная любовью.

Комиссар и действительно был у нас таким, что не любить его, не идти за ним в огонь и в воду, и на смерть было невозможно. А может я просто привык к Викторчику? Как-никак, а два с лишним года пробыли вместе, что считая тех нескольких месяцев, что отлеживались в госпиталах: то он, то я. Вообще, я и не припомню, чтобы на моем фронтовом пути встретился комиссар. Непохожий на Викторчика открытостью души, рассудительностью, уживчивостью с горячностью, отчаянной храбростью. К тому же он был счастливым. Был. До сегодняшнего дня. Нет, не в личной жизни, что осталась там, в июне сорок первого, а здесь,

ср? Скорее всего, хотели увлечь собой остальных.

Сразу из нескольких автоматов ударили свинцей по комиссару Викторчику и стоявшим рядом с ним бойцам. В эту минуту застрочил наш пулемет, пресекая смертоносный путь озверевшего в отпаниии врага. И тут же несколько немцев из тех, что еще не сложили оружия, вскинули автоматы. Но нет, не в нашу сторону. А в сторону тех, с кем еще час назад пытались вырваться из окружения.

Командир роты, застегивая кобурку, наклонился над комиссаром и прочел в его неподвижных глазах удивление и заставляющую навсегда забыть да ни возмисмь появилась старшина Клюев.

Он всегда позволялся на позициях батареи, когда трудно. А сейчас, видя, что его помощь уже не нужна, подошел к группе бойцов, плотным кольцом окруживших тело комиссара, спросил: «Кого, ребята?». Спросил по-челу-то шепотом.

Ему не ответили. Перед ним раступились, давая дорогу. Старшина молча опустился на колени, позвал: «Иван Сысонец!» Столько раз выдавший смерть, он не мог не знать, что уже не дозовется. А сейчас сознание противилось ослеплению случившегося. Страшная гримаса исказила его лицо. Даже те, кто шел с ним с боями вот уже два года, кажется, впервые увидели его испепеляющий взгляд.

Клюев поднялся. Отряхнул пилоткой

на фронте. Он остался единственным комиссаром из тех, что были в сорок втором, когда я пришел в полк. Он сходилися с людьми необыкновенно легко, с первой беседы. Но никто и никогда не был с ним запялнбрата. А уж как он умел взвесить все стороны дела, малейшие обстоятельства! В сложных ситуациях старался посоветоваться с ним. А порою даже ломал голову над вопросом: кто же старше — комиссар батареи или ее командир? А когда подходил за отравкой к Ивану Сысоевичу, тот лишь посмелывался: «Конечно ты, какие могут быть разговоры!»

Я уважал комиссара и во многом был ему благодарен. Знал Викторчика намного лучше и больше, чем Клюев. Но Клюев полюбил его, как любит старшего брата или родителей. Это и поныне Клюев жизнью обязан комиссару. Но мало ли на войне таких случаев, когда один человек другого заставляет своим телом? Но такой вот пожатенной благодарности, если не сказать больше — родства, преданности, видеть еще не приходилось.

Пока я думаю о своем, не замечая происходящего, в болельщиках пронзали перемены. Четко разделение на два лагеря, они уже не могли равнодушно наблюдать за ходом борьбы. Но азарт их был злым. Для фашистов это был как бы реванш за военное поражение: вот мол, мы сильны! Бой-теб нас. Мы вернем свои победы!

Мне вспомнилась картина, у нас

какого художника, висевшая у нас в школе. Там два богатыря на конях, с пиками: наш русский и татарский — ведут поединок. И так же вот две линии жаждущих победы. Только оба впереди, да еще впереди, да еще впереди. Здесь же сила оружия, мысль полководцев уже решили исход сражения. Лишь этот поединок будто продолжал его.

Прошло минут пять. С боков соперников струилась пот, смешанные с кровью — оба были изранены. Вездь борьба шла не на ковре. Оба тяжело дышали, но никто не сдавался, не уходил от борьбы, чтоб хотя бы на секунду перевести дух, собравшись с силами. По-видимому, чувствуя, что силы его

напипшую на колени жирную зем-

быстрым, привычным движением проверил, все ли пуговицы на гимнастерке застегнуты. И не оглядываясь, пошел прочь. Никто не знал, что происходило в его душе. Лишь Гуревич понял: добра не жди. Посматривая за своим старшиной, он уже называл фамилии бойцов, что покрепче.

— Глаз не спускать со старшинч!

А старшина тем временем уже подошел к орудию. Постоял возле него в раздумье. Кинул взгляд в сторону немцев. Одернул гимнастерку, и присел за орудийным щитком. Что он там делал, всем сразу стало ясно. Ствол соркоплатки, выставленной на прямую наводку, медленно стал опускаться.

Пленные повскакивали со своих мест, а четверо бойцов, названных командиром батареи, пытались оттащить могучего Клюева от прицела. Ярость и горе искали выхода.

Пока командир батареи рассказывал нам о случившемся на его позициях, Клюев крыл фашистов на чем свет стояло. Все чаще он обращался в сторону группы офицеров, стоявших особняком. На всякий случай у него отобрали автомат.

— Товарищи командиры, разрешите

вызвать любого из сидящих и стоящих убитодков на открытую борьбу. Вездь должна же быть справедливостью. Он больше не плакал. Только жел-

иссякли, немец яростно сопротивлялся, кидаясь то в одну, то в другую сторону, пытаясь провести тот прием, с которого начал борьбу. Но Клюев уже чувствовал близость своей победы, хотя и его силы были на исходе. Он искал какой-то прием, лишь ему вестный, перешедший от отца.

Вновь воцарилась тишина. Никто не давал советов. Каждый ждал исхода поединка. И он наступил.

Уже из последних сил Клюев поднял над собой фашиста. Повернулся лицом к нам, будто показывая: вот как надо биться с кориневой чумой. Потом повернулся к немцам. Сделал несколько шагов в их сторону, крепко ударившая своего врага. Что-то сказал им охрипшим от напряжения голосом. Позже Гуревич пересказал мне его слова:

— Вот так будет с каждым, кто еще хоть раз когда-то возьмет в руки оружие и повернет его против России.

Клюеву дали воды. Кто-то бережно держал его гимнастерку, позавывавшую многочисленными орденами и медалями. Прибежала Вера. Плача и приплясывая, начала смазывать его ссадины и раны.

— Ничего, дочка! На мне быстро заживает, — сказал он. — А вот Ивану Сысоевичу не поднимешь. — И он снова разрыдался.

Мы похоронили комиссара на вы-

солке, вблизи села. — Я вернусь после Победы. Поставлю тебе памятник, Иван Сысонец. — Этими словами старшина простился со своим комиссаром. Или, как любил он говорить: со своим родителем. Но это отдельный рассказ, а сейчас надо было собираться в поход. И у меня, и у старшины было много хлопот.

Это было 21 августа 1944. А уже на следующий день форсированным маршем наш стрелковый полк подошел к реке Прут. 23 августа король Румынии арестовал Антонеску и объявил войну Германии.

Так закончилась Яско-Кишиневская операция.

Продолжение следует.

4. По е д и н о к

утиера в штаб. Вель по телефону-то уже доложили.

— Извините, товарищ майор, но я из этой батареи уйти не могу. Вот мои родители — комбат и комиссар. Не поручусь они за меня, может, трибунал уже определенно мою судьбу. А так я, считайте, заново народился. А сына должны беречь своих родителей, так же, как родители берегли их в младенчестве.

Нет, не вышел у них разговор. Не хотели они понимать друг друга, а к обеду Клюева вызвали в штаб дивизии.

Вернулся он отсюда старшиной. Да еще и с орденом Красной Звезды. Это была его первая награда. А через несколько дней мы узнали, какой разговор имел Клюев с командиром. После всех поздравлений и распроесов генерал сказал:

— А теперь, старшина Клюев, прини-

майте роту разведчиков.

— Товарищ, генерал, разрешите отка-

заться от предложения!

— Это не предложение, старшина, это приказ!

— Тогда вот, — Клюев достал тро-

фейный пистолет, который дал ему перед вылазкой начальным разведки. — В нем один патрон. Он для меня. За невыполнение приказа, я знаю, в военное время подлагается расстрел. Расстрелите меня, товарищ генерал, но не забирайте от моих родителей...

Вот так мы с комиссаром и обрели сына-богатыря. А о том, какие события ждали нас впереди, вы уже знаете.

За редактора
О. Н. НОВИКОВА.

В военизированную охрану завода требуются стрелки (мужчины и женщины), трудоспособные (пенсионеры). Все работающие обеспечиваются постовой одеждой и бесплатнымiformенным обмундированием.
Средний заработок — 136 рублей.

Детскому саду № 40 на постоянную работу требуются няни, повар, сторож. Обращаться: ул. Тракторная, 78.

Газета выходит по вторникам,
четвергам и субботам

НАШ АДРЕС
И ТЕЛЕФОНЫ

658201 г. Рубцовск, ул. Комсомольская, 106.
ТЕЛЕФОНЫ: редактора — 20-85, ответственного секретаря — 28-25, корреспондентов районной приемной — 30-12, 34-43, редактора